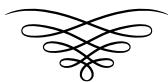

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

≈ Борис ≈
АКУНИН

*Бох
и Шельма*

*Издательство АСТ
Москва*

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Серия «Огненный перст. Романы Бориса Акунина»

Оформление обложки — *Екатерина Фerez*

Иллюстрации *Игоря Сакурова, Михаила Душина*

Акунин, Борис

А44 Бох и Шельма: [повесть] / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 288 с.: ил. — (Огненный перст. Романы Бориса Акунина).

ISBN 978-5-17-135723-8

«Бох и Шельма» — плутовская повесть о русском средневековье, а еще это уникальная возможность для читателя задуматься о ключевых вопросах, ответы на которые и сегодня остаются открытыми.

Немецкий купец Бох знает, что русский парень Яшка — продувная бестия, но всё равно нанимает его на работу. Зачем? Бох говорит: «На свете знаешь чего меньше всего? Нескучного. От людей мне давно скучно, а ты занятный. Дорога-то длинная». Изворотливый ум несет Яшке и удачу и беды — то он вор, а то герой. Начиная с мелкого жульничества, Шельма постепенно дорастает до первого крупного дела...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. Akunin, автор, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

**ЖИТІЕ
СВЯТОГО ПАВЛА**

Еще раньше, чем Яшка увидел его самого, по толпе будто прошла рябь, как бывает, если по пруду плывет толстый гусь или величавый лебедь.

Людей всяк делит по-разному. Кто глупый — на красивых-некрасивых иль на хороших-плохих. Кто поумнее — на сильных-слабых иль богатых-бедных.

Яшка по прозвищу Шельма различал человекoв по стати и прыти — с первого взгляда. И ошибался редко.

Кто-то тяжелый и бредет через жизнь, будто хромой по каменистой дороге, всё кряхтит да спотыкается. Другой никакой — веса не имеет, земли почти не касается, лишь ножонками болтает, будто есть человек, а будто и нету. Третий

бык быком: валит напролом через бурьяны, не посторонись — затопчет. Бывают тихие, но опасные; змеей извивается, шипит негромко, зато язвит насмерть.

Сам Яшка про себя говорил: я — мотылек, с резеды на василек. Нынче здесь, завтра там, и всегда на солнышке. А вернее сказать, комарик. Потому что мотылек — букаха неплотная, некусачая, цветочным духом живет, а Яшке для пропитания требовался красный сок-кровушка. Много не надо, брюшко маловато, но положенное отдай. И за что комаров обижают, норовят прихлопнуть? Жалят они легонько, крови отпивают малую капельку — только от самых тучных. Им, пузанам, даже и для здоровья полезно.

Недавно, наблюдая, как юркий воробышка утаскивает у дурака-голубя кусок втрое больше себя, Яшка задумался. А ведь и он мог бы не крохоборничать, взять зараз три или четыре веса да зажить по-другому. Или не сдюжил бы, надорвался? Но мысли у Шельмы, как и он сам, были легкие, нецепкие. Не додумал думу до конца, перескочил на другое.

«Шельмой» его прозвал ганзейский немец Бох, о котором и вспоминать неохота, потому

что зачем вспоминать плохое? Но, с другой стороны, и не забудешь, если все глядят на лоб, спрашивают и приходится врать.

«Шельма» — немецкое бранное слово, пишется ихними латинскими буквами Schelm. Яшка всякую грамоту разбирал: и свою русскую, и латинскую, и татарскую. Любое наречие к нему приставало легко, потому что мотыльку-комарику полезная наука — одно порхание. И языков знал много, шесть или семь. На каждом изъяснялся так, что принимали за своего, имелся у него от природы на то особый дар. Оказавшись в чужом месте, среди чужих людей, он очень скоро приноравливался к тамошней жизни и становился своим. Всё в себе менял и даже звался всюду по-разному — как нарекут.

В отрочестве откликался на имя Ничейка, короткое от Ничейсын, потому что он и был ничей сын, отца-матери не помнил, родни не имел. Да мало ли, как когда Яшку звали. Вот третьего дня шел он через Торг по спешному делу (у Яшки все дела были спешные), вдруг сзади хват за рукав: «Татарчик! А ну постой!»

Человек какой-то. Лицо не то чтобы знакомое, но по «Татарчику» сообразилось: кто-то из Твери, где три года тому Яшка неплохо поторго-

вал на базаре целительными зельями. Татарчиком его тверичи прозвали, потому что он объявился татарским знахарем, благо был скуласт, черняв и малость раскос.

Тверичанин этот, который схватил, говорит: «Ну, гад, у меня от твоей зелень-травы рожу на сторону перекосило. Душу из тебя выну, паскуда желтоглазая!»

И правда, рожа у него с одной стороны выпирала больше, чем с другой. А лапы сильные: ухватили — не вырвешься.

Шельма всплеснул руками, затараторил, ломая язык на татарский лад:

— Мила-человека, а ты как мазался? С одной щеки иль с двух?

— С двух!

— А с заговором? Сказывал я тебе колдовское слово али нет?

— С заговором. «Зеленюху-траву́ на мою голову́, а траву-зелёнушку на чужу головушку».

— С ума ты сошла! Перепутала! — закричал Яшка. — Надо было: «Зеленюху-траву — на чужу голову, а траву зелёнушку — на мою головушку». Ты думай сам! Как это ласковое — да другому отдавать? Вот тебя, бачка, и разнесло. Ай, беда!

Теперь вдвое лечить надо. Но это и вдвое стоить будет.

Отболтался, дело привычное — язык Яшку никогда не подводил. Еще и денег взял с тверского лопуха за горшочек грязи, которую, сбегав, на заднем дворе из лужи зачерпнул.

Один только раз не выручил язык, с немцем Бохом, про которого начало сказываться, да сбилось. Очень уж башковитый оказался немец, других таких Яшка в жизни не встречал.

Позапрошлый год поплыл он на корабле за море — из любопытства, мир поглядеть. К тому же надо было из Нова-города на время отлучиться, перешалил он здесь немного.

И принесло комарика морским ветром в хороший город Любек, ганзейскую столицу. Покрутился Яшка, принялся — устроился на хорошее место, к богатеющему купцу-гостю, который с Русью и иными странами вел торговлю красным товаром. Тому гостю как раз нужен был приказчик по русским делам.

Доверять новому приказчику хер Бох не доверял, потому что умные никому не доверяют, а ценить ценил. И пока Яшка приглядывался, что

бы тут взять, жили они с хозяином ладно. Бох советовался про Русь и про торговое, посмеивался Яшкиным прибауткам, щедро платил. Его, Боха, и самого послушать было занятно — дядька тертый, бывалый, белый свет повидал даже больше Яшки. По стати и повадке определил его Яшка в особую породу, какой еще не встречал: был Бох похож на пузатый купеческий корабль, который плывет далеко-далеко, одному ему ведомым курсом, за великим хабаром.

Хозяин называл своего русского слугу «Йашка». Но это имя у Яшки тоже было не природное, не крестильное. По правде сказать, он и сам не знал, крещеный он или нет. Где появился на свет, тоже неизвестно. С тех пор как начал себя помнить, обитал в Новгороде — стало быть новгородец, хоть ни к одному из новгородских сословий не надлежал. Ни к «черному», ибо черной работой рук не грязнил, не имел такой привычки; ни к «житьему» — по необладанию собственным житьем и общей воздушности обитания; ни к купецкому — это надо большие обороты иметь, а взяться им неоткуда. Да и скучное это дело, коли честно торговать. А коли нечестно — надолго в сем почтенном сословии не удержишься.

...Опять с одного на другое соскочило.

Про имя «Яшка». Оно образовалось вот как.

Когда-то давно, в детстве, ночевал отрок Ничейка в поле, в стогу, и приснился ему чудесный сон. Будто стоит в том поле многоцветная радуга. Подходит к ней Ничейка, и оказывается, что она не радуга, но лестница. И начинает он по ней подниматься, легко так, радостно. Наверху же нечто сияет, манит. Будто бы солнце, но золотее, чем солнце. Приблизился — золото и есть. Как грош золотой, но в тысячу раз больше. Протянул Ничейка руку — потрогать, а получится, так и себе забрать, но от волнения вскрикнул и проснулся. Жалко. Однако сон этот волшебный на всю жизнь крепко запомнил, потому что ничего красивее не видывал.

А лет десять назад, в городе Муроме, зимой, зашел в церковь, погреться. Поп читал проповедь, но Яшка (тогда еще не Яшка) сначала не слушал. На кой они нужны, проповеди? И вдруг краем уха поймал такое, что обмер. Старик священник рассказывал про лестницу, приснившуюся библейскому человеку Иакову. Поднималась та лестница до самого неба, и сияли на ней разные чудесные чудеса. Тогда-то решилось про имя: будет оно Яков.

Ах да, про Боха-то.

Когда Яшка прижился на купеческом подворье, освоился, сделал он потихоньку слепки от всех ключей и начал из железного сундука, где у хозяина хранились оборотные деньги, именуемые «капитал», по дукатику золотому вытаскивать, а на их место клал медные кругляшки — поглубже, на самое дно. Рассчитывал месяцок-другой так подхарчиться, а потом дальше по ветру улететь.

Но попался уже на третий день. У немца, гада, сундук оказался хитрый, стоял на особых весах. А поскольку медь легче золота, Бох почти

сразу приметил неладное — и, конечно, догадался, кто тут такой умный. Другие-то приказчики все были дураки немецкие, им бы и в голову не пришло, а пришло бы — всё равно не попользовались бы, потому что немцы вообще дураки. Один только среди них умный — Бох, и надо же было Яшке именно на него угодить.

Попался с поличным — с рукой, запущенной в сундук. Будто кот, который сунул морду в крынку со сметаной да застрял.

Яшка, конечно, стал врать. Верткий ум и острый язык его из всяких переделок вытаскивали. Он-де приметил, что сундук ненадежен, и решил испытать, хорош ли за капиталом догляд, а коли не верите — всё золото, ране изъятое, лежит в надежном месте и на нем бумажка, и в бумажке той писано: «Сии дукаты надлежат честному херу Боху, коему прошу их и передать, если со мной, верным слугою Йашкой, случится какая беда». Бумажку такую он в тайник и правда положил, на всякий случай.

Но Бох на эту хитрость только посмеялся. Сказал: «По нашему закону за воровство положена тебе виселица. Но жизни лишать я тебя, черта желтоглазого, не стану, потому что жалко такую хитрую башку отдавать на поклев воро-